

Соло кукушки

В этой квартире всё умерло. И старая угрюмая мебель, и затянутые пылью окна, и настенные часы-домик с немой кукушкой, а главное – ушли хозяева, мои дядя и тётя. Жизнь остановилась! Было грустно и трудно здесь жить, пока мы оформили все документы и продали квартиру.

Почему-то Валера не хотел везти с собою эти часы с кукушкой через полстраны. – Всё-равно не идут – никто не смог починить! – говорил он, только место будут занимать в багаже, и тяжёлые.

Да, соседка рассказывала нам, как моя тётушка пыталась найти мастера и оживить кукушку – не получилось.

И вот я, упаковав в знаменитые современные клетчатые сумки «богатство», которое досталось нам по наследству от тётки, вынула одежду и положила на плотные шторы часы, предварительно связанные «по рукам и ногам бинтами» и плотно обёрнутые курткой. А в часах звенела пружина, и ещё какие-то детали издавали таинственные звуки. Всё. Засекретила, сверху накрыла второй шторой и поставила сумку рядом с такими же, наполненными нехитрым домашним добром.

Почти четверо суток добирались мы из сибирского города домой. За окнами мелькали белоствольные берёзы, стоящие по колено в снегу. Глядели нам в след тремя глазами-окошками почерневшие срубы-домишки, клубами выпуская дым в февральское небо. Северный Урал проводил нас метелью и заснеженными красавицами-елями. А вот и пересадка в Москве. Всю дорогу я слышала живое сердце часов. На стыках рельсов пружина позванивала, заговорщицки сообщая: «Я жи-ва! Я жи-ва!» При переезде на Киевский вокзал, сумка с часами звякнула и крикнула, и у меня похолодело внутри: неужели разбились?!

И вот мы дома! Я торжественно разворачиваю часы и кладу их Валере пред ясны очи!

– Ну, ты и дала! А я всё время слышал какой-то звон в купе, но не мог даже представить, что ты учудила – привезли хлам!

– Ничего! Смотри, какие оригинальные! Если не найду у нас мастера, будут висеть для красоты!

– Ладно! – согласился муж, – куда деваться, раз такой путь проделали...

Через неделю, походив по редким теперь часовым мастерским, я узнала, что есть у нас в городе умелец Юра Кезля. Вот если он не починит, тогда нечего и стараться никому другому. Раздобыла адрес, взяла часы и поехала искать мастера. Жил он довольно далеко, на узенькой улице, во дворе дома бегали московские сторожевые – как раз подрастало потомство.

Объяснив, кто я и зачем пришла, вынула часы. Юра ахнул!

– Таких у меня нет! Покупаю!

– Так они не идут! Время остановилось! И никто не мог их раньше починить.

– Не было таких часов, чтобы я не справился! Всё возвращается к жизни! – гордо произнёс мастер, вертя в огромных ладонях деревянный корпус-домик, из окошка которого вывалилась кукушка и тихо пропела: «Ку-ку!»

– Вот, правду говорит. Починим, как же. Будут жить!

Юра ещё перебирал цепи, гири, маятник, и мы разговорились. Я рассказала, как привезла часы издалека, как они дребезжали-звенели по пути, словно просили жизни. Спросила, где учился Юра мастерству. И рассказал он, что был такой мастер – дед Миша. И взял он подростка Юру в помощники, потому, что увидел блеск в глазах – интерес, и тонкость в движениях пальцев мальчишки, а ещё – удивительную для подросткового возраста усидчивость и настырность. Так и научился!

– Не страшно и помирать! – говорил дед Миша – мастера вырастил, передал своё дело!

– А пойдёте, покажу! – заблестели глаза у Юры Кезли, и я, словно замороженная, пошла за ним через три комнатухи в светлицу.

Ба-тю-шки! Напротив окон на стене висели часы! Множество часов с маятниками. И все маятники качались, одни были короче, другие длиннее. А часы были разные – настоящая коллекция! Хор часов!

– Это мне люди поотдавали, всё-равно хотели выбрасывать. А я их оживил! Они, родненькие, все ходят! Ни одни не подводят... – ласково, словно с детьми беседовал Юра, подтягивая гири на цепочках часов.

– Эти вот – старинные фирмы Gustav Becker, – вдруг удивил меня мастер чётким произношением. И я засмотрелась на большой маятник, качающийся в деревянном корпусе-шкафчике беззвучно.

– Бон! Бон! Бон! – вдруг неожиданно раздался бой гонга! И моментально посыпались высокие и низкие звуки боя многих часов со стены.

– Три часа дня! Это вам не шуточки! – засмеялся Юра Кезля. – Я тут и сплю, на этом диванчике, под музыку, привык, не слышу!

– Как, спите и не слышите? Не может быть! – вырвалось у меня.

– Может! Вот так и сплю. И радуюсь жизни! Правда, Нина спит отдельно, в той комнате, где мы смотрели вашу кукушку – ей громко!

– Вот у меня часы из карельской берёзы, скоро купят их у меня за большие деньги... А вот эти – Scarlett. Читали «Унесённые ветром»?

– Да... протянула я удивлённо.

– А вот – Котик, Петушок – детские. А эти – современные, кварцевые, китайские, – показал на чайник-кофейник с циферблатом в центре.

– А эти часы с боем мне из Киева на «Мерседесе» доставили... Больших денег стоят... Заберут завтра... Но мне моих хватит!

– И сколько же их? – пыталась я сосчитать.

– А где-то в районе тридцати. Всё время приезжают, уезжают... И как меня люди находят? Юра Кезля добродушно улыбался. За полчаса мы подружились и сели пить чай. Мастер рассказывал, рассказывал о своих часах, словно о выпестованных любимых детях...

– Эх, жаль, дочка у меня! Не захотела учиться моему мастерству! Но у неё – сынок, 11 лет уже пацану. Когда приезжает на лето, от часов не отходит! Вот кому передам дело! – с гордостью проговорил огромный, двухметрового роста мастер.

– Меня звали и в Киев, и во Львов, там дочка сейчас. Вот думаю, что уже поздновато... да и свой музей куда дену?

...Через неделю я с трепетом шла от автобуса к загадочному дому, где живут часы...

– Ну, что? Сделали? Идут??

– А то как! – Юра был горд и весел, – и повёл меня в дом, принимать работу.

Мои часы блестили, отполированные большущими Юриными руками-лапищами. Висели они в весёлом хороводе настенных часов и тикали-перекликались со всеми остальными.

– Подожди, подведу стрелки, послушаешь, – и мастер подвёл стрелки ближе к двенадцати. Кукушка выпорхнула из круглого окошка, казалось, с трудом держалась на своей пружине-подставке – ей хотелось улететь на волю!

– Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – разнеслось соло Кукушки! Она смешно поднимала клювик и подёргивалась. А гири опускались вниз, приводя в действие механизм.

– Ура! – от души воскликнула я. – Жизнь продолжается! Юра, вы – мастер!!! Спасибо огромное!

– Я же говорил, что оживим птичку, дадим ей жизнь! Продайте!.. – тут же заулыбался Юра, склонив в просьбе голову.

– Нет, что вы! Это же память о родственниках. Я и нерабочими собиралась повесить часы. А уж теперь, когда время пошло!..

...Теперь я не замечаю звонкого «Ку-ку!» и боя гонга. Привыкла за много лет. А ещё удивлялась тогда, как это мастер Юра может спать в громком разноголосом хоре...

–Тик-так, тик-так, – разговаривают часы, считая минуты мчащейся жизни.